

Жнец / Reaper (рассказ)

Жнец / Reaper (рассказ)

Автор	Сара Коквелл / Sarah Cawkwell
Переводчик	Serpен
Издательство	Black Library
Серия книг	Валькия Кровавая
Входит в сборник	Чемпионы Хаоса / Champions Of Chaos (сборник)
Год издания	2013
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

ВСЁ было покрыто красным.

Превратившаяся в красно-грязное месиво земля стала густой и липкой от всей той крови, что напоила её за долгую ночь после битвы. Трупы, что усеивали всё вокруг, окрашивались в алый мягким светом утреннего солнца, поднимавшегося над деревьями. Это было безобразное место, место смерти и разрушения, яма, наполненная кровью и потрохами, что никогда не должна была существовать. Вонь экскрементов и медный запах свернувшейся крови заполняли каждый вздох.

И всё же...

Несмотря на то, что место, бывшее некогда прекрасным лугом, теперь стало местом последнего отдохновения бесчисленных сотен, пропитанным жизнью, вытекшей из их тел, день обещал стать прекрасным. В воздухе уже ощутимо пахло весной. Мир занялся своими делами как обычно, не обращая ни малейшего внимания на произошедшее. Через несколько часов солнце взойдёт над написанной резнёй картиной, внося свой вклад в разложение уже начавших гнить тел. Так что, несмотря на кошмар внизу на земле, мир продолжил свой неспешный путь от весны к лету, не обращая никакого внимания или хоть как-то озаботившись прошедшим кровопролитием.

Битва бушевала более трёх дней, пока накануне две противоборствующие армии, наконец, не сошлись в последней схватке. Войска Империи удерживали позиции пред лицом вторгшихся сил Хаоса с беспримерной отвагой. Бесстрашными - такими они были. Бесстрашны, смелы и беспощадны. Но всё это, всё было напрасно. Благородные жертвы оказались бессмысленны.

Стая стервятников кружила над полем битвы, оглашая воздух пронзительными криками восторга от столь обильного пиршества, что раскинулось на земле под ними, словно на скатерти. Мародёры или солдаты, птицам было всё равно, они никому не отдавали предпочтения. Еда была едой, мясо оставалось мясом, и для них, по крайней мере, пожива обещала быть богатой. Стая объявилась ещё за день до конца, привлечённая звуками войны, и, рассевшись на верхушках деревьев, терпеливо ждала. Некоторые из них, соблазнённые отсутствием движения, уже опустились на пиршественный стол и начали долгое, жадное, доводящее до потери чувствительности пожирание падали.

Кавалерия пала первой. Чем больше разбивалось поле под ногами сражающихся, тем труднее было лошадям сохранять равновесие. Многие поскользнулись и упали, сбросив седоков. Поднять перепуганную лошадь на ноги, когда вокруг гремела стрельба орудий, а мародёры Хаоса пытались снести твою голову с плеч, было нелёгкой задачей, так что многие лошади умерли просто от страха. Их всадники ненадолго их пережили.

Отряд капитана Кале фон Кесселя пал последним, а сам фон Кессель стал последним, кто признал поражение. И он всё ещё был жив - пусть и едва-едва. Мысли всё ещё крутились в голове, пока он ждал смерть, что опустит занавес его жизни. Как он выжил? Почему он всё ещё жил, когда все его люди были мертвы?

Фон Кессель лежал на спине, глядя в голубое небо. Кажется, оно почти дразнило его своим спокойствием. Если бы не отвратительная вонь смерти, что была повсюду, и тот факт, что его правая нога уже давно отделилась от остального тела, могло показаться, что он просто витает в облаках.

Неимоверным усилием фон Кессель поднял голову и посмотрел на кусок мяса, который некогда был его ногой. Ошмётки кожи и обрывки бесполезных сухожилий свисали с конца его бедра, и он ничего не чувствовал, когда смотрел на него, - как физически, так и духовно. Лишь оцепенение. Он знал - он умрёт от потери крови, умрёт очень скоро, это было несомненно. Это знание не вызывало печаль, лишь спокойную уверенность.

Шумы начали просачиваться сквозь наполнявший голову звук его собственной боли, от которой, казалось, ещё чуть-чуть, и она взорвётся. Карканье круживших над полем ворон. Тихий шелест ветвей. Скрежет в груди его собственного дыхания... и, время от времени, стон или слабый крик другого умирающего.

Ожидание близкого рассвета продолжало терзать умирающего капитана, розовые лучи, прорезавшиеся

сквозь бледно-голубые небеса, были действительно прекрасны. «Какая жалость, - подумал капитан фон Кессель. - Какая потеря, что я никогда ранее, по-настоящему, не ценил потрясающую красоту мира». Он слегка повернул голову, так, что его взгляд упал на тело варвара, лежавшее рядом с ним, тело человека, чей топор забрал его ногу. Фон Кессель же - забрал его жизнь. Его меч всё ещё торчал из живота мертвеца.

Возможно, в конце концов, мир и не был так уж прекрасен.

Фон Кессель вышел за грань боли. Теперь он был невосприимчив к ней. Ослабевший, едва в состоянии шевелиться, он всё же потащил себя к скоплению мертвецов, облачённых в имперскую форму. Смерть неизбежна, но некая странная, даже несколько детская часть его желала умереть в окружении своих, а не спиной к спине с врагом.

Движение на краю зрения привлекло его внимание, и он с трудом, но всё-таки вновь сумел повернуть голову, чтобы бросить взгляд в ту сторону. Возможно, надежда ещё не потеряна, подумал он, дикая надежда и одновременно неверие захлестнули его. Может быть, кто-то пришёл, чтобы найти выживших. Может, он всё же выживет, всё же сможет ещё хотя бы раз увидеть свою возлюбленную жену...

Но искра надежды погасла в мгновение ока. То был один из врагов, тоже едва живой, как и фон Кессель. Словно зеркальное отражение борьбы самого фон Кесселя, пытавшегося присоединиться к своим товарищам, молодой варвар - мальчик, на самом деле - пытался добраться до своих соплеменников.

Может быть, шепнул безумный голос внутри фон Кесселя, он такой же, как и ты. Может быть, он также боится умереть среди чужаков.

Фон Кессель, резкий, тяжёлый человек, только-только разменявший четвёртый десяток, внезапно ощутил вспышку сопереживания молодому варвару. Грядущая смерть наградила его ясностью мысли и понимания человеческого существования, коими он никогда не обладал в жизни.

Голубое безоблачное небо над ним, светлеющее в преддверии рассвета, неожиданно потемнело, и капитан с трудом перевернулся на спину, чтобы посмотреть вверх. То, что он увидел там, заставило его кровь, до самого костного мозга, заледенеть от ужаса, и он вдруг ощутил неборимое желание вскочить на ноги и бежать прочь. То, что на крыльях спускалось с небес, то, на что пал его взгляд, было так страшно, что фон Кессель закричал от ужаса.

Очертания того, что спускалось с небес, были преувеличенно женственны, очертания груди и бёдер были настолько очевидны, что не оставляли никаких иллюзий насчёт пола твари. Но любое сходство с живыми женщинами на этом и заканчивалось. В ярком солнечном свете было трудно разглядеть какие-то детали, но в своём всё более и более лихорадочном состоянии, фон Кессель ощутил намёк жестокой, холодной красоты. Глаза, горевшие неестественным внутренним огнём, скользили по полю битвы с ненасытным вождением.

Демон. Фон Кессель рефлекторно потянулся за мечом, но потом вспомнил, что тот остался в кишках безумного топорщика северян, отрубившего ему ногу. Бесцельное отползание увело его далеко от надёжной рукояти меча. Не отрывая взгляда от демоницы, он смотрел, как копыта её ног коснулись земли, когда она изящно опустилась на поле битвы. Она была так близко, что он мог почувствовать исходящий от неё аромат. Он был неожиданно приятным: мускусная смесь распада, вызвавшая в его разуме воспоминания о розах в беседке в их последние дни. Закручивавшиеся рога росли из её головы, и, пока он во все глаза смотрел на неё, она повернула голову и их взгляды встретились.

Шокирующее одобрение встряхнуло его умирающее тело, когда он взгляделся в бездонные глубины её глаз. Одобрение, отвращение и странное, практически неодолимое влечение. Она была демоном, да. Но она была прекрасна. Захватывающе прекрасна.

Оборванное дыхание перехватило его горло, и губы демоницы искривила медленная улыбка. Она сделала три крадущихся кошачьих шага в его сторону, а затем остановилась, услышав слабый голос, пришедший с другой стороны поля.

- Моя королева!

Мелькнул кончик змееподобного языка, когда демоница облизнула нижнюю губу. Улыбка по-прежнему была на её лице, когда она обернулась к тому, из чьих уст исходило это слабое восклицание. Мальчик, северянин, приподнялся на локтях и протянул к ней руку.

- Моя королева!

Слабый крик раздался вновь и Валькия отвернулась от капитана, и тот не знал, благодарность или разочарование должно испытывать за это. Он знал, кто она. Он знал это в тот момент, когда увидел, как она спускается с небес. Так или иначе, он всегда знал. Существовали легенды, истории о падшей северной королеве, что была возрождена и перекована в форму, что была наиболее приятна взору бога крови и смерти. Супруга, достойная божества, известного северянам под именем Кхарнет.

Валькия Кровавая.

Она неспешно шла по полю, усеянному телами павших, приближаясь к мальчику-северянину. И именно в этот миг фон Кессель неожиданно осознал, что все звуки стихли. Ни карканья воронья, ни пенья птиц, ни шелеста ветвей. Только время от времени стон умирающего, и отчетливый, кристально-чистый голос Валькии, когда она заговорила с мальчишкой.

- Кто ты, осмелившийся произнести моё имя в этом месте? - высокий тон голоса поразил фон Кесселя. Он ожидал рыка, но отнюдь не того музыкального и мелодичного, даже несколько чарующего, голоса, что услышал. Больше он не мог доверять своим чувствам. Видя за прожитые годы достаточно мёртвых и умирающих, он осознавал, что, скорее всего, уже бредит от потери крови. Даже карканье ворон могло показаться ему мелодичным. Напрягшись, капитан попытался расслышать ответ парнишки, но тот был слишком далеко. Но он жаждал знать, что происходило между ними. То было какое-то просто болезненное желание.

Медленным, вызывающим муку усилием он сдвинул себя с места и, опираясь на локти, пополз к ним. Обрубок ноги оставлял в грязи за ним кровавый след.

- Почему ты считаешь, что заслужил благословение моего господина? - королева-воин вновь расправила крылья и отвернулась, с величайшим безразличием соскабливая накипь с одного из них своим когтистым пальцем в демонстрации скуки. Вид её слегка напоминал птицу, чистящую пёрышки.

Ближе. Ещё ближе.

Фон Кессель, преодолевая чудовищную боль, подтащил себя ещё немного, пока не смог, наконец, услышать ответ молодого северянина. Голос мальчика был голосом человека на грани смерти, фон Кессель видел и слышал достаточно, чтобы понимать это. Столь близко, он уже мог разглядеть вспоротый живот юнца, и, несмотря на то, что варвар был его врагом, фон Кессель не мог не восхититься упорством воина, который столь долго и упорно цеплялся за жизнь с таким ранением.

- Я сражался во имя Его, - прохрипел мальчик, его голос напрягся. Слабое бульканье в его словах говорило о том, что в лёгких уже была кровь. Его акцент был чудовищным, но юноша говорил на языке Империи, что поразило фон Кесселя даже больше, чем то, что юнец до сих пор был жив. - Каждый раз, когда мой клинок наносил удар, этот удар я посвящал ему.

- Есть и другие здесь, кто делал то же... и многое другое, - Валькия приподняла одну из своих, оканчивающихся копытами ног и толкнула труп, что лежал рядом. Тело перевернулось, ужасающее нечто с черепом, расколотым пополам. Он был едва узнаваем, но носил броню Империи. Фон Кессель резко выдохнул, и глаза демоницы уставились на него сверху вниз. На её прекрасном лице вновь появилась улыбка, но мгновение спустя она снова обратила всё своё внимание на слабо кашлянувшего юношу.

- Мой господин ищет победителей, мальчик, - в конце концов произнесла она. Затем отошла немного в сторону и перевернула ещё несколько трупов павших воинов. Имперцы и варвары, все они умерли там же, где и пали, и земля была мутным ковром из наваленных вразнобой доспехов и мехов. «Странно, - подумал фон Кессель, - что смерть приносит подобное единение». - Победителей, что могут сражаться во имя Его. Ты же годен лишь для собственных похорон.

- Я всегда служил...

- Всегда? Ты - младенец, - она вновь обратила взгляд к мальчику. - Всего лишь ребёнок. Простой саженец, подобный тебе, не мог и надеяться привлечь внимание моего господина.

- Даруйте мне своё благословение, и я буду сражаться за гранью смерти, - мальчик зашёлся в приступе кашля и выплюнул на землю кровавый комок, который, как подумалось фон Кесселю, мог быть ошмётками его желудка.

- Ты не знаешь ничего о том, что предлагаешь мне, щенок, - ответила Валькия. Она приставила наконечник копья к груди умирающего варвара и, надавив, с напускным безразличием наблюдала, как его грудь слегка прогнулась под нажимом.

- Я знаю. Я понимаю, чего это будет стоить, моя королева. И я живу, лишь чтобы служить, - он приподнял голову в демонстрации высшего неповиновения неизбежной смерти.

Демоническая принцесса склонила голову набок, словно бы в раздумьях, а затем взмахнула крыльями за спиной. С неотразимой грацией она перенеслась через трупы, пока вновь не оказалась рядом с молодым северянином, после чего присела рядом с ним.

- Тогда покажи мне, что ты можешь, - сказала она. Протянув руку, Валькия когтистым пальцем проколола нежную кожу на виске мальчика. Он слабо вскрикнул и некоторое время боролся. Демоническая принцесса закрыла глаза и с волчьим аппетитом вдохнула славный запах ужаса. Фон Кессель ничего не мог сделать, кроме как смотреть, так что он смотрел, не отводя глаз, как Валькия, присев перед мальчиком, погрузила когти в его мозг. На её лице появилось лёгкое блаженство, когда она каким-то образом извлекла то, что искала.

Мальчик содрогнулся в последний раз, и его тело замерло. Вытащив палец из его мозга, Валькия сжала руку в кулак. Упав лицом в грязь, мальчик замер, его сердце, наконец, обрело покой. Он молил её о благословении, и демоническая сука даровала ему смерть.

- А ты, воин Империи? Достоен ли ты места в армии моего господина?

Тот факт, что она разговаривала с ним, не доходил до фон Кесселя до того мига, когда её рука устремилась к нему. Он ощутил краткую и пронзительную муку, затем прилив наслаждения, и, наконец, полную покорность.

И тут он вспомнил.

КАЛЕ ФОН КЕССЕЛЬ видел свой первый бой (ему было семнадцать лет и не было второго такого же). Он сражался во множестве мест, бился против солнца, при дожде, в снегопад. Сражался со множеством врагов: зверолоуды, варвары, зеленокожие орки и гоблины. У каждого были свои сильные и слабые стороны, но именно варваров-людей с севера он всегда считал наиболее сложным противником. Сражаться с орками и иными тварями, не рождёнными женщиной, в конце концов, было то же самое, что сражаться со зверьми. Противостояние же своим собратям, противостояние стратегиям, которые могли даже дать фору его собственным... то был вызов.

Кровь брызнула на нагрудник, когда он крепко обхватил рукоять меча. Заблокировал им удар противника, и одновременно ударил каплевидным щитом на другой руке. Тяжёлая сталь стала вторым оружием, столь же смертоносным, сколь и остро наточенный клинок, и многие и многие варвары пали под его ударами, сокрушающими черепа и ломающими челюсти.

Битва началась с рассветом и бушевала уже пару часов. Обе стороны были равны по числу воинов, но войска Империи были намного более дисциплинированы. В течение всех этих двух часов они крепко держали линию, встречая непрекращающийся шквал варварских застрельщиков. Сам фон Кессель был частью линии фронта - центральным звеном стены щитов.

Лезвия мелькнули в солнечном свете, когда враги пустили их в ход: от ухоженных и острых как бритва мечей собственного отряда фон Кесселя до затупленных, выщербленных лезвий топоров, так любимых варварами. Утренняя тишина сменилась грохотом битвы. Звон стали и кличи, и стоны раненых разнеслись над полем, когда битва захлестнула воинства. Ожесточённые, подвывающие крики сменялись воплями неизмеримой боли. Отдалённый гром пушек, управляемых артиллерийскими командами, было единственным, что давало истинное преимущество солдатам Империи. Но чудеса заградительного огня приносили и проблемы. В суматохе битвы, когда армии сталкиваются, и ряды воинов смешиваются, стрельба по противнику не была точным искусством. Как следствие, выстрелы артиллерии убивали и калечили людей Империи не менее часто, чем варваров.

Фон Кессель и его верные люди выстроили стену щитов против превосходящих их числом врагов, яростных и упорных. Шлем капитана сбили с головы некоторое время назад, и он выкрикивал приказы с привычной лёгкостью. Люди пали по обе стороны от него, но он продолжал непоколебимо стоять на пути ничтожных врагов, что посмели посягнуть на Империю. Он пел имя Зигмара, убивая врага, его меч прорезал кровавые бреши в рядах северян.

- Я должна признать, в смелости тебе не откажешь, - прошептал голос прямо за его плечом. - Великий убийца, - фон Кессель мгновенно узнал владельца голоса, и он не повернул головы, но всё же ответил.

- Это просто воспоминание. Я знаю, чем всё закончится, да и ты тоже. Какой в этом смысл? - яростно огрызнулся он, гнев подпитывался скорее воспоминанием о ярости битвы, чем его собственной яростью. Он знал, что в материальном мире лежал на поле великой битвы. Он знал, что в реальном мире - умирает.

- Смысл, моя восхитительная услада, именно в этом, - прокравшись мимо, Валькия встала в ряды его

противников. Ни один из них не заметил её, и капитан опустил меч, не желая возобновлять бой, который, как он знал на каком-то подсознательном уровне, даже не был реальным.

Демоница повернулась к фон Кесселю и улыбнулась. Улыбка продемонстрировала капитану чудовищные клыки демона, и он отшатнулся при виде этого зрелища. Она махнула рукой в выразительном жесте.

- Ты сражался против моего народа. Варвары, мужчины и женщины Пустошей Севера. Ты убиваешь без разбора и даже не удосуживаешься запоминать лица тех, кого убиваешь.

- Они мои враги. Естественно, я не делаю этого.

- Это, да. Но как насчёт них, - Валькия отошла от варваров и встала лицом к лицу с фон Кесселем. Она указала вниз, не отрывая взгляда своих глаз от его. - В своей жажде убийства ты убивал всех, кто оказался под рукой. Видишь?

Ужас от того, что он мог увидеть там, куда показывала демон, стянул ему низ живота, когда фон Кессель медленно опустил голову. Двое из его людей мёртвыми лежали у его ног. Он покачал головой.

- Они были убиты врагами, - уверенно сказал он. Валькия куснула нижнюю губу и вновь улыбнулась улыбкой хищника. Медленно покачав головой, она опустилась на корточки, её крылья закрылись вокруг неё, словно кокон. Она взяла безвольную, безжизненную руку одного из солдат.

- Этот был первым, кого ты убил, когда он встал между тобой и твоей добычей. Ты кричал ему, чтобы он убрался с дороги... Помнишь?

Мангейм, шевелись! Убирайся с моего пути, пока...

Фон Кессель со свистом втянул воздух сквозь зубы. Он знал, чем заканчивается это предложение, но не мог поверить, что совершил столь непростительный поступок...но воспоминание так и так уже выплыло наружу.

...пока я сам не убрал тебя!

Мангейм был захвачен битвой, сконцентрирован на своей собственной схватке, на сохранении своей собственной жизни, так что он не мог выполнить приказ. Фон Кесселя это не волновало. Он запрокинул голову и взревел в неподдельной ярости, словно какое-то животное. Солдат был между ним и его жертвой, так что он прибег к простейшему из путей решения обеих проблем. Его длинный клинок пронзил сначала тело Мангейма, а затем и врага. Он вытащил меч, теперь обагрённый кровью, и рванул вперёд...

- Но... - фон Кессель почувствовал, как его желудок скрутил болезненный спазм от осознания содеянного. Он заставил себя сосредоточиться, заставить поверить себя в то, что всё это было лишь галлюцинацией, порождённой предсмертной лихорадкой. Его тело было вполне реальным, но он стоял. Где-то, сказал он себе, где-то далеко он лежал на земле. Он лежал там, без сил шевельнуть конечностями, а его нога была потеряна навсегда...

Он нашёл в себе каплю мужества, чтобы заговорить с демоном.

- Ты искажила это. Ты хочешь заставить меня поверить, что я...

- Ты убил его, - Валькия отпустила руку мёртвого солдата и толчком перевернула на спину другого. Слепые глаза его сержанта уставились на него снизу вверх. - Ты убил его. И ты искупался в мгновении

его смерти. Ты вдохнул его, как сладкий летний бриз.

Фон Кессель открыл было рот, что отвергнуть это обвинение, но не произнёс ни звука. Неумолимая в своём нападении, Валькия промолчала и продолжила вырывать картины из его памяти.

Что вы наделали, капитан?

Ты что, устраиваешь мне допрос? Прочь с дороги!

Сэр, вы недостойны командовать. Сдайте оружие, капитан фон Кессель, прежде чем я буду вынужден заставить вас сделать это.

Ты? Заставить меня?

- Хватит, - фон Кессель отбросил призрачный клинок, которым орудовал в своих воспоминаниях и закрыл лицо руками. Он опустил до борьбы со своими людьми, не в силах сдержать ярость и кровожадность, что захлестнули его. Он убивал, и убивал, и убивал, пока не достиг точки, когда более не имело значения, кто вкусил лезвие его меча. Он просто хотел насладиться тем моментом, моментом, когда на его руки плеснула их тёплая кровь, посмаковать мгновение, когда свет жизни угасает в их глазах...было такое великолепие в высвобождении чужой жизненной энергии.

- Ты получаешь наслаждение от убийства ради убийства, Кале фон Кессель, - промурлыкала Валькия ему в ухо. - Это не так уж и плохо. Любой человек может владеть мечом. Любой человек может взяться за оружие, но только истинный воин может забирать жизнь и не чувствовать при этом ни капли сожаления. Только тот, в ком течёт кровь победителя, может срубить всех и каждого на своём пути ради собственного удовольствия.

Её голос гипнотизировал, и он продолжал прятать лицо за руками, отказываясь смотреть на грязную истину о том, кем он был и кем стал. Животное. Зверь не лучше или достойней варваров, сражаться с которыми давал клятву. Горячие слёзы навернулись на глаза и потекли по щекам, когда он был вынужден столкнуться с обнажённой горькой правдой. Ужаснувшись от того, чем он был.

- Мальчик, - сказала Валькия всё тем же, слегка отстранённым тоном. - Дитя севера. Он считал себя достойным чемпионом моего господина, поэтому он решил вырезать остальных, с каждым из которых намеревался лить кровь. Ты же... как только ты сделал первый шаг... как только ты ощутил то острое чувство, когда твой клинок проникает сквозь рёбра, пронзает внутренности...

Она была так близко к нему, что он мог почувствовать дыхание её слов на своей шее, и невольно вздрогнул от её близости. Она была порченным существом Пустошей, и каждый инстинкт его умирающего тела вопил, что он должен закончить её бытие.

- Ты наслаждался убийством, не так ли, мой сладкий?

Рыдание вырвалось из его глотки, и он наклонился, чтобы поднять меч и нанести удар, но она небрежным движением опустила копыто и выбила клинок, а затем покачала головой. Протянув руку, она схватила его за подбородок и подняла, заставляя его смотреть на неё снизу вверх. Лицо его было бледным и заплаканным, слёзы, следы его мучений, промыли дорожки на его грязном лице. Она повернула его подбородок, чтобы оглядеть капитана со всех сторон.

- Ты не исключителен, - сказала она. - Ты, конечно, не первый из своего рода, кто предался подлинному преклонению моему господину, даже не подозревая об этом, и, я обещаю тебе, ты не станешь

последним.

- Я не поклоняюсь Тёмным Богам, - прошептал Кале фон Кессель, но даже произнеся эти слова, он задавался вопросом, кого хотел в этом убедить. - Я - слуга Империи, и я умру, прежде чем...

Валькия усмехнулась.

- Оставь свои напыщенные слова. Они пусты и бессмысленны, - её глаза сузились. - Даже если ты действительно имеешь их в виду. Ты всё равно мёртв, - она отпустила его подбородок, но прежде сокрушительно врезала ему по лицу. - Так к чему попытка столь пафосного отказа? Ты можешь освободиться от связи с этой жизнью - такой ненадёжной, дрожащей связи - и ты мог бы быть возрождён. Ты бы стал одним из чад моего господина под моей командой, - она резко, словно вздрогнув, качнула головой, и её волосы упали на лицо. А затем лик её исказился в усмешке.

Очень медленно её крылья начали раскрываться.

- Но всё-таки, это убеждённый отказ. Я явно была не права. Ты не достоин подобного благословения. Мой господин и учитель ищет тех, кто будет вечность сражаться во имя Его, - полностью развёрнутые, её крылья оказались удивительно красивы, их перепонки казались его помрачённому взору сродни крылам бабочки, а не тем кожистым уродством, что впервые предстало его глазам. Несмотря на всю мрачность ситуации, он вновь ощутил это странное притяжение и отталкивание, исходившие от неё. Крылья лениво колыхнулись, радужного цвета в лучах восходящего солнца, и она сделала шаг назад, собираясь уйти. Где-то далеко отсюда, где-то в мире смертных, что был на одной стороне пропасти, на краю которой он балансировал, капитан ощутил, как её изучающий палец покинул его голову.

Он понял, что она подняла его на ноги, потому что почувствовал, как нога подогнулась под ним, и он упал, земля врезалась ему в живот.

- Подожди.

Медленно, мучительно медленно, фон Кессель протянул к ней руку. Кровь и грязь покрывали её столь плотно, что кожи не было видно. Он потянулся к ней, желая вновь ощутить её прикосновение. - Подожди. Пожалуйста.

Валькия повернула голову, чтобы вновь посмотреть сверху вниз на умирающего капитана. Загадочная улыбка коснулась её губ. Ни одно слово не покинуло её рта, но она лукаво наклонила голову, словно бы негласно приглашая его продолжить.

Кале фон Кессель мог ощутить слабеющее биение сердца, что, словно мотылёк, попавший в ловушку, трепыхалось в груди. Это было чувство, словно его жизнь измеряется секундами. Каждый стук его слабого пульса был ещё одним моментом, ещё одной возможностью сказать то, что он должен был сказать. Силуэт демоницы стал расплываться, когда слёзы разочарования, боли и некоторых других, неведомых ему прежде эмоций хлынули из глаз. Но где-то, в самой глубине кишечника, он нашёл последние остатки своей силы.

- Я всегда думал, что мы все проходим этот путь в войне, - сказал он голосом, который был не более чем шёпот. - Я никогда не думал иначе, когда я действовал. Но...ты права. Я пересёк эту линию первый раз тогда, десять лет назад, и никогда по-настоящему не искал обратной дороги, - фон Кессель замолчал и слабо откашлялся, кровь показалась в уголках его губ. Он глубоко вздохнул после болезненного кашля, почти задохнувшись от такого количества воздуха в лёгких. Он уже давно отбросил возможность искупления. Но только теперь он принял это.

Валькия лениво сложила свои крылья и шагнула обратно. Присев, она наклонилась к нему, чтобы расслышать окончательное признание несчастного человека. Он смотрел на неё снизу вверх и задавался вопросом, как он мог когда-либо находить отталкивающим это создание. Она была прекрасна. Красный ангел, посланный, чтобы пожать его измученную душу и даровать ему окончательное освобождение и награду, кою он так жаждал.

- Я хочу...

Избитые и изломанные образы крутились в его голове. Лицо жены, чья красота давно увяла, сменившись измученной усталостью от ноющего одиночества, коего было столь много в жизни жены солдата. Товарищи, которых он убил в ярости берсерка. И сквозь них все проглядывал её лик. Лик супруги тёмного бога, существование которого он всегда отрицал.

Но теперь он знал, и теперь отрицать это было уже невозможно.

- Я буду служить, - выдохнул он.

- Зачем?

Он не ожидал этого вопроса, но ответ сорвался с его губ практически в тот же миг, когда тот был задан, словно он просто ждал шанса, чтобы это сказать.

- Я хочу проливать кровь, - прошептал он. - Кровь...для...Бога Крови, - его глаза встретились с её, и нечестивый экстаз заставил его тело вздрогнуть в припадке чистого наслаждения.

- Да, мой милый, - согласилась она. - Ты доставил мне удовольствие, - она поставила копыто на его поясницу, плотно прижав капитана к земле и успокаивая его конвульсии. Подняв копьё, она опустила его вниз, почти небрежно воткнув в шею солдата. С неестественной лёгкостью пройдя сквозь кожу и кости, лезвие копья в мгновение ока отделило голову от шеи. Насыщенная алая кровь хлынула из рваного обрубка и насытила землю. Тело ещё дважды резко дёрнулось, а затем затихло.

Наклонившись, Валькия подняла голову фон Кесселя за волосы. Она превратила его в ужасающую вещь: лицо, застывшее в экстазе, смотрело прямо на неё. А затем Валькия поцеловала его в окровавленные губы.

- Не один приз за день, а два, - промурлыкала она, направившись к молодому варвару, чтобы забрать и его голову. Два черепа для трона её господина и две запятнанные навеки души, чья новая жизнь в роли чемпиона даст им возможность вновь проливать кровь во имя Его. Вечность. Бог Крови получил то, что хотел он, и так желали смертные. Всегда были победители в этой бесконечной игре.

Её трофеи требовали своего, и она расправила крылья и взмыла в небеса, воспарив над кладбищем поля боя. Солнце, что уже стояло в зените, сверкало в безоблачном небе, неподвижное и безразличное ко всему, что произошло. Люди, разбросанные по полю, были не большим, чем стебли кукурузы, срубленные косами битвы. Валькия Королева Черепов лишь пожала богатый урожай войны.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Жнец / _Reaper_\(рассказ\)&oldid=9373](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Жнец / _Reaper_(рассказ)&oldid=9373)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 11:40.